

ПО ПОВОДУ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ТВЕРИ

КЪ МОСКОВЪ

И УЧАСТІЯ

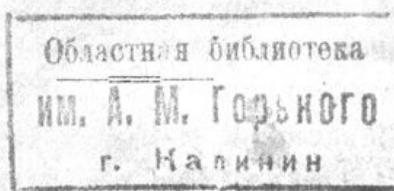
ТВЕРСКИХЪ БОЯРЪ ВЪ ЭТОМЪ СОБЫТИИ.

ИЗСЛЕДОВАНИЕ

Н. Н. Овсанникова,

Члена Тверской ученой архивной комиссии, действительного члена Нижегородского статистического комитета, члена-сотрудника И. Р. географического общества.

Т В Е Р Ъ .

Типографія Губернскаго Правленія.

1 8 9 2 г.

ОВІДІОНОВСЬКИЙ ФРЕМ

For more information, contact:

Печатано по распоряж. Твер. Учен. Арх. Ком., 16 марта 1892 г. Тверь.

M3CVAPOBAH

downward to 30° E. E.

СЕВІЙ СОНЧОСТАВА
Б. В. ЛОДОГІНІК
М. В. ГОЛДУДНІК
С. В. САМОІЛОВА
В. А. КОЛІСНІК
В. А. БІЛКОВСЬКА
В. А. СІЧЕНКО
В. А. СІЧЕНКО
В. А. СІЧЕНКО
В. А. СІЧЕНКО

REFERENCES

— 5 —

по поводу присоединения Твери къ Москвѣ и участія тverскихъ бояръ въ этомъ событіи.

Рефератъ, прочитанный въ засѣданіи Тверской Ученой Архив. Комиссіи
членомъ ея Н. Н. Овсянниковымъ.

I.

Исторія Тверскаго княжества по времени совпадаетъ съ исторіей объединенія Сѣверовосточнай Руси подъ владычествомъ Москвы. Эти событія принадлежать самому важному періоду Русской исторіи, который имѣть, можно сказать, всеславянское значеніе. Въ это время сложилось великорусское племя, послужившее ядромъ къ объединенію всей Россіи. Этимъ оно отличается отъ всѣхъ другихъ родственныхъ ему славянскихъ племенъ, даже и болѣе его образованныхъ, которымъ не удалось создать такого единаго и обширнаго государства, какъ наше. Замѣчательно, что впервые этотъ государственный смыслъ выработала изъ себя великорусская суздальская народность. Но почему же роль Москвы, какъ создательницы объединенія, не досталась Твери? Почему мы не говоримъ о паденіи Москвы и о торжествѣ надъ нею Твери? Развѣ это было не возможно? Было же время, когда Тверь, ни по богатству, ни по величинѣ своего княжества, нисколько не уступала Москвѣ. Одни объясняютъ это тѣмъ, что тверскіе князья, за малымъ исключеніемъ, были безталанные

люди, не понимавшіе ни своего времени, ни своего положенія. Только одинъ тверской князь Михаиль Александровичъ, говорять, составлялъ исключение. Но есть другое мнѣніе и, кажется, болѣе справедливое. Московскіе князья, говорять, по энергіи и по способностямъ, далеко уступаютъ тверскимъ. На сторонѣ тверскихъ князей въ борьбѣ ихъ съ московскими было право старшинства, были таланты, но на сторонѣ Москвы, прежде всего,—деньги и умѣніе примѣняться къ обстоятельствамъ. Въ то время, когда тверскіе князья считали возможнымъ вступить въ борьбу съ Ордою, московскіе были другаго мнѣнія: они думали, что гораздо большаго можно добиться деньгами, чѣмъ оружиемъ, почему усердно ухаживали за Ордой, дѣлая ее орудіемъ своихъ замысловъ. Припомнимъ для того битву при Бартеневѣ при Михаилѣ Ярославичѣ и Щелкановщину при Михаилѣ Александровичѣ. Московскіе князья взяли верхъ въ борьбѣ съ Тверью и успѣли объединить Русь подъ своею властью въ силу многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Указываютъ при этомъ на географическія условія, среди которыхъ находилось Московское княжество. По мнѣнію Бестужева-Рюмина, это условіе второстепенное. Географическое положеніе Твери едва ли было менѣе выгодно, чѣмъ Москвы: Тверь лежала дальше Москвы отъ татаръ и была на Волгѣ, т. е. на лучшемъ торговомъ пути. Этнографическія причины настолько же, насколько географическія и историческія, способствовали образованію въ Москвѣ центра объединенія русской земли: предпріимчивые, смѣлые, но практическіе и способные къ неустранной дѣятельности Великорусы—колонисты въ началѣ, посреди чуждыхъ племенъ, принявши въ себя не подвижной, степной, а болѣе осѣдалый элементъ, и къ тому самою бѣдностью природы принужденные къ труду промышленному—вотъ та среда, где заложены основанія этого единства. Слѣдовательно гораздо важнѣе для возвышенія Москвы будетъ то обстоятельство, что Москва составляла центръ этнографической, центръ, около

которого сложилось великорусское племя, впервые выступившее на поприще славянской истории. Государственный смыслъ, давший первенствующее значение этому племени въ исторіи не только русского, но и всѣхъ славянскихъ народовъ, чувство мѣры, практический расчетъ, самообладаніе, трезвость народнаго характера, непозволяющаго увлекаться никакими, даже самыми благородными чувствами, удаляющими отъ разъ поставленныхъ задачъ, всѣ эти качества, вырѣзившіеся съ особеною полнотою и въ князьяхъ московскихъ, какъ собирателяхъ Руси, какъ представителяхъ великорусского племени, объясняютъ очень многое въ исторіи. Историческое воспитаніе великорусского племени началось съ медленного, труднаго дѣла колонизации съверо-востока Россіи. Въ борьбѣ съ дикой природой, съ безчисленными лишеніями и опасностями, развилась столь извѣстная практическая сноровка Великорусса, настойчивость и твердость его труда, находчивость и мужество въ бѣдѣ, а нужда научила преодолѣвать представлявшіяся на каждомъ шагу препятствія не въ одиночку, а артельно—общинными усилиями. Здѣсь посреди непоглядныхъ полей и дремучихъ лѣсовъ,—шири, пустоши и приволья, выросла его богатырская сила и молодецкая удаль. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ созналъ потребность въ крѣпкой руководящей власти, способной направлять къ дружной цѣли разрозненные силы въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ. Эти свойства образовали русскій государственный характеръ, на сколько мы понимаемъ его, и остались навсегда въ исторіи. Они отличаются по преимуществу народный гenій великорусского племени. Нельзя не пожалѣть, что ни у прежнихъ историковъ возвышенія Москвы, напр. у Станкевича и Вишнякова, специально занимавшихся этимъ вопросомъ, ни у новѣйшаго — г. Иловайского, на этотъ пунктъ не обращено должнаго вниманія. Ему посвятилъ только несколько лекцій, какъ мы слышали, г. Ключевскій. Возвышенію Москвы содѣствовали затѣмъ другія обстоятельства: болѣе существенная помощь въ дѣлѣ объединенія

ненія со стороны духовенства и бояръ сравнительно съ Тверью; лучшее материальное положение московскихъ князей, такъ какъ первые московские князья были скопидомы, образцовые хозяева, заведшіе отличный порядокъ въ своемъ княжествѣ, плодомъ котораго и было установлениe болышеи внутренней тишины и безопасности: «и престаша татарове воевати русскую землю», говоритьъ летопись о временахъ И. Калиты. Преемственная, вѣрная своимъ интересамъ, политика московскихъ князей, по отношенію къ Ордѣ и къ сосѣднимъ княжествамъ, ставила Москву въ болѣе выгодное положеніе сравнительно съ Тверью. Но Тверь могла получать помощь отъ Литвы, съ которой дружила? Во всякомъ случаѣ менѣе существенную, чѣмъ Москва отъ татаръ. Вѣроисповѣдная разница между Тверью и Литвою создавала въ Твери партію, которая нравственно тяготѣла къ Москвѣ. Въ первое время существованія Тверского княжества территорія его по величинѣ и по силамъ равнялась Московскому княжеству, можетъ быть даже по своему богатству Тверь превосходила Москву, но въ послѣдующее время это отношеніе измѣнилось. Москва разными примыслами, или по духовнымъ завѣщаніямъ, или на деньги отъ ордынского выхода, увеличивала постепенно свою территорію; Тверь оставалась почти всегда въ одиѣхъ и тѣхъ же границахъ: присоединенъ былъ только одинъ Ржевъ и то онъ былъ съ смѣсномъ владѣніи. Скора тверскихъ князей съ Ордою началась тогда, когда Орда была еще сильна; скора московскихъ князей съ Ордою относится къ періоду ея упадка. Затѣмъ въ борьбѣ своей съ Тверью Москва употребляла не разъ недозволенный и нечестивыя средства. Москва приводила татарскую рать на русскую землю. Самыи московские князья действовали, какъ промышленники, въ которыхъ ремесло и обстоятельство развиваются смѣтливость и находчивость насчетъ другихъ высшихъ благородныхъ качествъ и стремлений. Въ этомъ отношеніи нравственные и благородные качества тверскихъ князей стоять гораздо выше. Со сто-

роны тверского духовенства помошь князьямъ никакъ нельзя назвать равносильною сравнительно съ услугами московскаго митрополита своимъ князьямъ. Если встречаются въ Твери среди епископовъ и некоторые личности святой жизни, напр. Симеонъ и Арсеній, совѣтомъ которыхъ могъ бы руководиться князь, то Москва, переманивши себѣ главу русской церкви, митрополита, находилась въ лучшемъ положеніи. Рядъ московскихъ святителей — митрополиты Петръ, Алексій и Іона — пользовался большимъ авторитетомъ среди всѣхъ русскихъ, во всѣхъ княжествахъ, и даже въ самой Ордѣ. Съверовосточная Русь не въ тверскомъ, а въ московскомъ князь привыкала видѣть старшаго сына русской церкви, ближайшаго сотрудника и друга главнаго русскаго іерарха. На Москвѣ, по взгляду народа, покоилось особое благословеніе Божіе, преподанное первымъ святителемъ Русской земли святымъ митрополитомъ Петромъ. Если говорить, что московские бояре помогли возвышенню Москвы, то сравнительно митрополиты Петръ, Алексій и Іона оказали ей въ этомъ дѣлѣ болѣе существенную услугу. Приведемъ здѣсь одинъ примѣръ, касающійся Твери. Когда князь тверской Михаилъ Ярославичъ, бывшій въ то время великимъ княземъ, послѣ неудачи подъ Переяславлемъ — Залѣсскимъ, вздумалъ захватить Нижній-Новгородъ и послалъ туда войско съ своимъ сыномъ, юнымъ Дмитріемъ, онъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе со стороны митрополита Петра. Слѣдуетъ помнить, что до сихъ поръ митрополиты постоянно помогали великому князю. Тверское войско достигло уже Владимира, когда митрополитъ Петръ положилъ церковный запретъ на дальнѣйшій походъ. Три недѣли простоялъ здѣсь Дмитрій Михайлбовичъ, пока добился, чтобы митрополитъ его «разрѣшилъ» (т. е. вѣроятно снялъ отлученіе отъ церкви); юный княжичъ затѣмъ вернулся домой, распустивъ рать¹⁾). Но особенно помогъ воз-

¹⁾ Исторія Россіи, Д. Иловайскаго, т. II, стр. 9.

вышеннюи Москвы митрополитъ Алексѣй, родомъ московскій бояринъ Плещеевъ. Не даромъ Олгердъ жалуется на него константинопольскому патріарху за его явное предпочтение интересовъ Москвы; патріархъ шлетъ ему выговоръ и упреки, напоминаетъ, что онъ поставленъ митрополитомъ всей Руси, а не одного ея уголка. Алексѣй все идетъ своей дорогой; для этого нуженъ былъ и могучій умъ, или твердое сознаніе необходимости задуманнаго дѣла. Только тотъ изъ современныхъ князей могъ добиться первенства, помимо родового старшинства, потерявшаго значеніе, за кого стоялъ митрополитъ. Князей, говоритъ Соловьевъ, было много, а митрополитъ былъ одинъ. Развѣ безъ содѣйствія митрополита Москва могла бы побѣдить Тверь, Рязань и въ особенности Новгородъ? Сила митрополита неизбѣжна должна была сдерживать и силу московскаго боярства; князья же московскіе съ самаго началъ Москвы стали за силу митрополита, какъ за каменною стѣною. Церковный авторитетъ и политическая прозорливость первыхъ митрополитовъ, вмѣстѣ съ военными способностями и политическою ловкостью дружинныхъ вождей, въ самомъ началѣ возвышенія Москвы отстояли ея будущее значеніе въ Русской землѣ: митрополитъ Петръ перенесенiemъ своего мѣстообыванія въ Москву, а вождь южно-руssкихъ дружинъ Родионъ Несторовичъ, явившійся къ Ioanni Kalitѣ съ 1700 дружинниковъ, — удержаніемъ за Москвою весьма важнаго пункта Переяславля. «Инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имаше въ себѣ живуща — замѣчаетъ лѣтописецъ (Ник. III 140).»

Если помочь со стороны духовенства для укрѣпленія силь московскаго княжества была болѣе существенна, чѣмъ въ Твери, то тоже самое слѣдуетъ сказать и о помощи со стороны московскихъ бояръ. Интересы московскихъ бояръ въ періодъ возникновенія Московскаго княжества совпадали болѣе съ интересами князей, чѣмъ тверскихъ бояръ и князей. Московскіе бояре — выходцы были болѣе могущественны и богаты,

чъмъ тверскіе. Примѣръ Родиона Несторовича показываетъ, что въ Москвѣ получали боярство выходцы, пріѣзжавшіе не съ пустыми руками, а приводившіе цѣлые дружины. Не съ пустыми руками пріѣзжали въ Москву и татарскіе мурзы. Разница между тверскими и московскими боярами видна и въ томъ, что послѣдніе были многочисленнѣе и болѣе дѣятельные. Приливъ боярскихъ выходцевъ въ Тверь существовалъ также, но онъ не былъ такъ великъ, какъ въ Москвѣ. Намъ известны только слѣдующіе роды тверскихъ бояръ: Чаплины, Поликарповы, Свѣчины, Шишковы, Бороздины, Микулинскіе, Шетневы, князья Фоминскіе и Березуйскіе, Зюзины, Бибиковы, Якимовы, Нагие, Левашовы, Нащокины и Коробовы. Въ Москвѣ выходцевъ-бояръ было болѣе потому, что Москва впослѣдствіи была болѣе Твери, слѣдѣздесь они болѣе получали доходовъ. Заслуги московскихъ бояръ были болѣе значительны, чѣмъ тверскихъ. Извѣстно, напр., что они добыли престолъ великокняжескій Дмитрю Донскому, который безъ нихъ не дѣлалъ потомъ и шагу; при Василіѣ Дмитревичѣ они добываютъ Муромъ и Нижній-Новгородъ; они отстаиваютъ престолъ ничтожнаго и вѣроломнаго Василія Васильевича и спасаютъ его сыновей. Все княженіе послѣдняго свидѣтельствуетъ о силѣ и значеніи московскаго боярства; безъ митрополита Ioаннѣ и бояръ дѣлу Калиты и митрополита Алексія грозила гибель. Не менѣе важную роль послѣ Куликовской битвы играли московскіе бояре въ исторіи колонизаціи степей и Поволжья къ югу отъ линіи Оки между Рязанью и Нижнимъ. Впослѣдствіи, есть приливомъ въ Москву княжескихъ родовъ, воспослѣдовало раздвоеніе московскаго боярства на кнїжеское и старо-московское. Князья внесли въ мѣстничество свои родовые счеты, и нѣкоторые роды имѣли двоякое мѣстническое отечество—по родословцу и по разрядамъ. При Ioаннѣ III началось у правительства столкновеніе съ князьями и боярами за священное для дружинниковъ право отъѣзда, начались и крестоцѣловальныя записи. Вопросъ о правѣ

отъѣзда получилъ особенное значеніе при Ioаннѣ Грозномъ, когда отъѣздъ, въ дѣлѣ Курбскаго напр., окончательно привялся къ измѣнѣ. Въ исторіи Твери очень рѣдко упоминается о боярахъ. Можетъ быть потому, что роль ихъ была вообще незначительна. Положеніе тверскихъ бояръ при дворѣ князя было такое же, какъ вездѣ на Руси: князь совѣтовался съ боярами во всѣхъ важныхъ дѣлахъ своего княжества, во всѣхъ княжескихъ усобицахъ бояре принимали участіе; народъ рѣдко принималъ участіе въ исторіи, за исключеніемъ Великаго Новгорода и Ростова. И позднѣе народъ выдвигается на первое мѣсто только при Грозномъ и въ Смутное время. Воля князя и воля дружины — старѣйшие которой назывались боярами — въ древнѣйшій, кievскій, періодъ нашей исторіи были тождественны. Но по смерти Андрея Боголюбскаго произоходить въ этихъ отношеніяхъ переворотъ. Могущество дружины было не по душѣ властительному князю и заставило его перенести свое мѣстопребываніе на сѣверъ, въ Ростовскую область, гдѣ онъ надѣялся дать перевѣсь княжеской власти. Въ кievскій періодъ нашей исторіи единство княжескаго рода было связующимъ звѣномъ между всѣми княжествами; во владимирскій періодъ сила старѣйшаго князя, сдѣлавшагося потомъ единодержавнымъ, служить уже этимъ звѣномъ. Единство княжескаго рода, владѣвшаго дотолѣ Русью, кончилось, и появленіе удѣловъ, въ смыслѣ отдѣльныхъ вотчинъ — только теперь это были настоящіе удѣлы — повело къ стремленію усиливать эти удѣлы на счетъ удѣловъ другихъ князей. Бояре могли содѣйствовать въ этомъ своему князю и находить въ этомъ содѣйствіи главное свое призваніе. Участіе въ этой политикѣ князей сохраняло за ними ихъ почетное мѣсто и ихъ права. Главные права бояръ состояли: въ правѣ совѣта и въ правѣ отъѣзда. Лѣтописецъ говоритъ, что въ то время, когда тверской князь Михаилъ Александровичъ рѣшился отказаться отъ престола и постричься въ иноческій

чинъ, князья, бояре и всѣ люди пришли ко двору князя и ожидали, чтобы идти къ нему «обычнаго градцаго ради управлениѧ», но Михаилъ Александровичъ ихъ не принялъ. Право отъѣзда всегда сохранялось за тверскими боярами, изъ которыхъ многіе еще задолго до паденія Твери перебѣхали въ Москву. Тверскіе бояре раздѣляли и добрую, и злую долю своихъ князей. Примѣровъ очень много и они приведены на 219 стр. «Исторіи Тверскаго княжества» Борзаковскаго. Самое дѣятельное участіе тверскихъ бояръ въ борьбѣ Москвы съ Тверью относится ко времени тверскаго князя Михаила Ярославича, когда еще неизвѣстно было, кто возьметъ верхъ — Москва, или Тверь. Михаилъ Ярославичъ вмѣстѣ съ московскимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ отправились въ Орду искать великокняжескаго титула. Въ Ордѣ ханъ и его вельможи не столько обращали вниманіе на старшинство, сколько на дани и подарки. Кто дороже заплатилъ, кто обязался вносить богатую дань, тотъ и получалъ ярлыкъ. На первый разъ верхъ остался за Михаиломъ тверскимъ. Но еще прежде, нежели соперники успѣли вернуться изъ Орды, ихъ намѣстники и бояре уже открыли междуусобную войну. Знатнѣйшимъ изъ тверскихъ бояръ былъ въ то время бояринъ Акинфъ, отѣхавшій въ Тверь изъ Москвы¹⁾. Родонъ Нестеровичъ занялъ въ Москвѣ первое мѣсто, которое до него

¹⁾ Ср. «Исторія тверскаго княжества» Борзаковскаго, прим. 390. Дѣло въ томъ, что некоторые лѣтописи говорять, что Акинѣвъ служилъ Андрею городецкому, а послѣ его смерти отправился въ Тверь служить Михаилу Ярославичу. Карамзинъ повѣсть о бояринѣ Акинѣвѣ считаетъ новѣйшою вставкою въ Ростовскую лѣтопись. Борзаковскій главное происшествіе считаетъ вѣroятнѣмъ. Квашнины, потомки Родионовы, описываютъ его въ своей членобитной, поданной ими въ 1576 г. Иоанну Васильевичу, говоря, что Акинѣвъ бѣжалъ отъ Калиты къ к. Михаилу Ярославичу тверскому. См. также Соловьевъ IV т. 153, прим. 173, и Исторію Россіи Д. Илловайскаго, II, стр. 8.

принадлежало боярину Акинөу. Москва усиливая себя дружиною, въ то же время старалась мѣшать дружинѣ укрѣпиться качественно, мѣшала ей сплотиться. Московскіе князья съ какою то особеною охотою жертвовали своимъ старыми боярами новымъ выходцамъ съ юга: при Калитѣ Родіонѣ заѣхалъ Акинөа. Хитрая политика московскихъ князей посредствомъ такихъ заѣздовъ не дала возможности боярству сдѣлаться всемогущимъ. Заѣзы эти задерживали сплоченіе боярства. Когда бояринъ Акинөа отѣхалъ въ Тверь, въ это время шла борьба Москвы съ Тверью. Она сосредоточилась на Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Въ исходѣ борьбы было важно знать, кому будетъ принадлежать этотъ городъ. Вопроѣ былъ настолько важенъ, что Иванъ Даниловичъ московскій самъ отправился защищать Переяславль. Бояринъ Акинөа съ тверскими полками осадилъ Переяславль и три дня держалъ Ивана Даниловича въ осадѣ; на четвертый день со своею южною дружиною на помощь Ивану Даниловичу явился изъ Москвы Родіонъ Нестеровичъ. Родіонъ Нестеровичъ зашелъ тверичамъ въ тылъ и внезапно ударили на нихъ, давъ возможность князю Ивану Даниловичу сдѣлать вылазку. Тверичи были разбиты, Переяславль остался за Москвою. Если бы тверичи овладѣли Переяславлемъ-Залѣскимъ, то владѣнія тверскихъ князей получило бы непосредственное сообщеніе съ землями Суздальско-Владимирскаго княжества, за обладателемъ кото-раго сохранялся титулъ великаго князя. Сохраненіе Переяславля за Москвою имѣло рѣшающее влияніе на всю борьбу Москвы съ Тверью; тверскимъ князьямъ труdnо было достать велиокняжескій вѣнецъ черезъ голову московскихъ князей; протянутая рука всегда могла быть остановлена.

При томъ же князѣ Михаилѣ Ярославичѣ тверские бояре принимали участіе и въ знаменитой Бортеневской битвѣ, въ которой былъ разбитъ Юрій Даниловичъ московскій. Въ числѣ пленныхъ послѣ битвы находилась супруга Юрія, дочь владѣтеля Орды, по имени Кончака, а въ крещеніи Агаея.

Она умерла въ плѣну въ Твери и Юрій распустилъ слухъ, что ее здѣсь отравили. Извѣстно, что этотъ несчастный случай послужилъ къ погибели въ Ордѣ самого князя Михаила Ярославича. Тверскіе бояре и скловили Михаила Ярославича на войну съ Юріемъ. Передъ выступленіемъ въ походъ противъ Юрія, который шелъ съ татарами, Михаилъ Ярославичъ совѣтовался съ епископомъ, князьями и тверскими боярами. Михаилъ сказалъ имъ: «братья! видите ли я отъ величаго княженія отказался, и выходъ давалъ, и все таки сколько ала уже сдѣлали въ отчинѣ моей! Я терпѣль и надѣялся, что злобѣ моихъ враговъ настанетъ конецъ, но вижу, что они и моей головы ищутъ. Развѣ я виноватъ; а если виноватъ, то скажите мнѣ». Тогда епископъ, князья и бояре отвѣчали: «ты правъ, господинъ, во всемъ. Ты, господинъ ступай противу враговъ, а мы хотимъ за тебя животь свой положить».

Такъ дважды было неудачно и несчастливо участіе тверскихъ бояръ въ дѣлѣ возвышенія Твери надъ Москвою,

II.

Посмотримъ теперь, какую роль играли тверскіе бояре во время присоединенія Тверскаго княжества къ Москвѣ. Можно ли объяснить паденіе Твери измѣною бояръ? Подобное поведеніе бояръ, какое мы видимъ въ Твери въ это время, при потерѣ ею своей самостоятельности, встрѣчается въ исторіи Нижнаго Новгорода и Рязани и не было однокимъ. Оно объясняется положеніемъ бояръ при дворѣ князя: бояре имѣли право отъѣзда и могли свободно переходить отъ одного князя къ другому. Такой переходъ никакъ неподождественъ былъ измѣнѣ. Нѣкоторые тверскіе бояре еще за нѣсколько лѣтъ до паденія Твери перѣехали на службу

къ московскому князю. Но во время похода Иоанна III на Тверь въ 1485 г. со стороны тверскихъ бояръ, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, была измѣна. Было бы несправедливо утверждать, что возвышение Москвы всего болѣе обязано московскимъ боярамъ; и несправедливо также говорить, что Тверь пала только вслѣдствіе измѣны своихъ бояръ. Тверские бояре въ дѣлѣ паденія Твери вовсе не были главною причиной этого событія. Утверждать другое значило бы приписывать имъ такую важность, какой они не имѣли.

Событіе присоединенія Твери къ Москвѣ обыкновенно, передается такъ: послѣдній тверской князь Михаилъ Борисовичъ, нарушая свои договоры съ Москвой, возобновилъ свои сношенія съ Литвой. Въ Москвѣ зорко слѣдили за нимъ: былъ перехваченъ тверской гонецъ съ грамотами къ королю. Иоаннъ III сталъ укорять Михаила Борисовича. Тверской князь послалъ въ Москву владыку Васьяну бить челомъ, но вел. князь не принялъ его чelобитья; тогда были посланы кн. Михаилъ Дмитревичъ Холмскій, Василій Даниловичъ и Дмитрій Никитичъ Чередѣ, но вел. князь и на глаза къ себѣ ихъ не пустилъ, а сталъ собирать войско. Иоаннъ III самъ выступилъ въ походъ на Тверь 21 августа 1485 г.¹⁾). Приказано было также и новгородцамъ съ бояриномъ Яковомъ Захаричемъ идти на Тверь. При московскомъ войскѣ былъ

¹⁾ Годъ присоединенія Твери показывается различно: по Софийской лѣтописи оно совершилось въ 1485 г., а по Воскрес., Никонов. лѣт. и Татищеву въ 1486 г.; Карамзинъ и Соловьевъ держались первого года, Борзаковскій въ своей «Исторіи Тверского княжества (стр. 202)» принимаетъ послѣдній годъ, впрочемъ не представляя своихъ оснований. Если вѣрна дата, означенная на посольскихъ рѣчахъ отъ Казимира IV къ Иоанну III 1486 годомъ 25 сентябремъ (Актъ Западной Россіи, I № 84), то упомянутое здѣсь бѣгство Михаила въ Литву надобно отнести къ предыдущему т. е. 1485 году (См. Исторія Россіи, Иловайскаго. Т. II, стр. 575, прим. 97).

и Аристотель съ пушками, тюфяками и пищалями. Сентября 8 московское войско подошло къ Твери, 10-го зажжены были посады, 11-го пріѣхали изъ Твери къ вел. князю отъ станъ князя и бояре тверскіе (коромольники, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ) и били ему челомъ въ службу. Тогда же ночью Михаилъ Борисовичъ, «видя свое изнеможеніе», взялъ свою казну и убѣжалъ изъ Твери «съ малою дружиною» въ Литву. Сентября 12-го пріѣхалъ къ вел. князю тверской владыка Васъянъ, происходившій отъ московскихъ бояръ, князь Михаилъ Холмскій съ братею и съ сыномъ, и другіе князья и бояре, и земскіе люди, и отворили городъ. Иванъ Васильевичъ велѣлъ жителей привести къ присягѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ «отъ своей силы беречь, чтобы ихъ не грабили». Послѣ того, 15-го сентября, Иванъ Васильевичъ самъ пріѣхалъ въ Тверь, слушалъ обѣднюю Спаса. Великій князь московскій Иванъ Васильевичъ многихъ князей и бояръ тверскихъ свелъ на Москву (а владыку Васъяна съ Твери не свелъ, замѣчаетъ лѣтописецъ), а Тверью пожаловалъ сына своего вел. князя Ивана Ивановича. Намѣстникомъ же въ Тверь былъ назначенъ бояринъ Василій Федоровичъ Образецъ Добрынскій. Иванъ Васильевичъ тверскихъ бояръ «и у себя помиловалъ, въ боярѣхъ учинилъ» и даль имъ свои грамоты на ихъ вотчины. Такимъ образомъ тверскіе бояре увидѣли всю выгоду быть московскими боярами: теперь ихъ уже не могли, какъ прежде, обижать московскіе бояре и дѣти боярскіе. Мать Михаила Борисовича была отправлена въ заточеніе въ Переяславль Залѣскій за то, что пыталась припрятать сыновнюю казну, т. е. золото, серебро и дорогіе камни, и тайкомъ отправить все это въ Литву къ сыну. Самъ Михаилъ провелъ остатокъ жизни въ Литвѣ, получивъ отъ короля нѣсколько сель на свое содержаніе. Спустя нѣсколько лѣтъ, Иванъ Васильевичъ велѣлъ росписать Тверскую землю «по московски въ сохи», для чего послалъ своихъ писцовъ въ города:

Тверь, Старицу, Зубиовъ, Опоки, Клинъ, Холмъ, Новый го-
родокъ и Кашинъ¹⁾. Изъ этого разсказа видно, что ни одни тверскіе бояре въ
критическую минуту поѣхали къ вел. князю московскому; къ
нему поѣхали также и земскіе люди, и епископъ Васьянъ.
Если послѣдній остался въ Твери на прежнемъ престолѣ, это
значило, что онъ былъ угоденъ въ князю. Тверскіе бояре за
свою измѣну пожалованы были московскими боярами, но ихъ
удалили изъ Твери, потому, что имъ менѣе довѣрили, чѣмъ
епископу Васьяну. Но лѣтописецъ никакого другаго, а твер-
скихъ бояръ винитъ въ паденіи Твери. Вотъ его слова:
«1485 г. сент. 12, на память святого мученика Автонома, взя-
грады Тверь и все велико княжество тверское въ кн. москов-
скій Иванъ Васильевичъ, подъ въ княземъ Михаиломъ Бори-
совичемъ тверскимъ израдою своихъ ему бояръ, самъ же
прибѣже въ Литву съ малою дружиною, а матерь его въ кня-
гиню Настасью въ полонъ взяша къ Москвѣ при владыцѣ
тverскомъ Васьянѣ. И тако окончася въ княжество тверское»²⁾.
Въ то время, когда совершилось паденіе Тверского кня-
жества естественно было ожидать, что сами современники
объяснятъ причину этого события, насколько она могла быть
имъ понятна. Обыкновенно всю вину события легче всего
складывать на одно какое нибудь приосновенное къ дѣлу
лицо, или на одножесловіе. Оказывается, что всего скорѣе
современники паденія Твери согласны были во всемъ винить
бояръ. Не было бы измѣнниковъ бояръ, думали они, не
пало бы и Тверское княжество. Если они и были правы, то
мы узнаемъ только ближайшую причину этого события. Тверь
пала только благодаря измѣнѣ бояръ, говорятъ они. Но твер-

¹⁾ Исторія Тверского княжества, Борзаковскаго. 1876. стр. 202
и 203; Исторія Россіи, Илловайскаго, т. II, стр. 575, прим. 97.

²⁾ Борзаковскій, прим. 973. Извѣстіе взято изъ Супрасл. рукописи, изд. въ 1836 г. Оболенскімъ.

скіе бояре учили «израду» можетъ быть потому, что пришель конецъ самостоятельности Твери и другаго ничего не оставалось сдѣлать. Что исторія послѣднихъ дней независимости Твери шла нормальнымъ путемъ, это видно изъ того, какъ совершилось присоединеніе Твери къ Москвѣ. Тихо, безъ кровопролитія, разсказываютъ современники, совершилось это событие, и это не потому только, что политика Иоанна III была умна и осторожна. Военно-служилое сословіе, и не въ одной только Твери, давно уже тянуло къ Москвѣ; а масса населенія по своимъ преданіямъ, религіи, народности и по своему политическому быту, не отличаясь отъ коренного московского населенія, не имѣла никакихъ серьезныхъ поводовъ стоять за свою самостоятельность. Не было болѣе послѣ паденія Твери своего княжескаго двора, не было своего князя, но въ этомъ не было и особенной надобности. Сливаніе съ Москвою представляло такъ мало затрудненій, что Иоаннъ III, по видимому, ограничился только незначительнымъ выводомъ, или взаимнымъ перемѣщеніемъ тверскихъ землевладѣльцевъ въ Москву, а московскихъ въ Тверь. Взглядъ современниковъ на исторію паденія Твери не можетъ болѣе раздѣляться отдаленнымъ потомствомъ. Мы думаемъ, что и безъ измѣнъ бояръ въ Твери, послѣдней все равно пришлось бы подчиниться Москвѣ. Одни тверские бояре, насколько сильно нибыли они приверженцами своего князя, не могли отклонить завершеніе этого события, такъ какъ не отъ нихъ оно зависѣло и это не было въ ихъ власти. Исторія Тверскаго княжества не можетъ быть понята вполнѣ безъ сопоставленія ея съ исторіей всей сѣверо-восточной Руси. Что совершилось въ Твери, то совершалось и въ другихъ соѣдніхъ княжествахъ. Тверское княжество нельзя представлять себѣ, какъ отдѣльное, независимое государство. Оно только составляло часть цѣлаго, т. е. сѣверо-восточной Руси, оно было одно изъ многихъ удѣльныхъ здѣсь княжествъ, сливашихся теперь во — едино. Соединеніе его съ московскимъ княжествомъ не

есть покореніе его, сопровождавшееся кровопролитіемъ и опустошеніемъ, а только паденіе его удѣльной независимости. При такомъ взгляดѣ на исторію тверскаго княжества, мы увидимъ, что самое паденіе независимости Твери, въ смыслѣ слиянія ея съ московскимъ княжествомъ, не есть что нибудь особенно печальное, какое нибудь особенное несчастіе. Никакого завоеванія Твери, въ смыслѣ завоеванія напр., Константинополя Турками, здѣсь не было. Это былъ скорѣе, какъ мы сравнили бы, переходъ помѣстья отъ одного владѣльца къ другому. Мы можемъ говорить обѣ участіи тверскихъ бояръ, какъ бывшихъ дружинниковъ, въ катастрофѣ Твери, а не обѣ окончаніи тверской исторіи, которая продолжалась и послѣ, только слившись съ русскою. Измѣнился государственный строй въ сѣверо-восточной Руси еще со временемъ Андрея Боголюбскаго, измѣнился настолько круто, что отдѣльная самостоятельная жизнь удѣльныхъ княжествъ не можетъ продолжаться по прежнему, но подъ другой формой возникаетъ новая жизнь, никакою не хуже прежней. Послѣдняя страница тверской исторіи не можетъ вызывать въ насъ гнетущаго чувства горечи или отчаяніе. Никакого миценія за оскорблennую честь не поднимаетъ она въ нашей душѣ. Смотрѣть на это событие съ другой точки зрѣнія было бы недостойно современного историка.

III.

Въ какомъ положеніи находилась Сѣверо-восточная Русь современно присоединенію Твери къ Москвѣ? Какія задачи разрѣшились тогда Русской исторіей? Отвѣты на эти вопросы позволяютъ намъ взглянуть съ новой точки зрѣнія на разбираемый нами фактъ присоединенія Твери къ Москвѣ.

Еще ранѣе татарскаго нашествія Приднѣпровская Русь, вслѣдствіе набѣговъ половцевъ и другихъ степныхъ кочевниковъ, стала пустѣть. Отливъ населенія ошелъ отсюда двумя путями. Одни поселенцы двигались на западъ къ лѣсистымъ склонамъ Карпатъ, къ Западному Бугу, и далѣе въ область Вислы, въ глубь Польши; другіе направлялись на сѣверо-востокъ, за Угрю, въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Татарскій погромъ только завершилъ запустѣніе Приднѣпровской Руси. Векорѣ послѣ разрушенія Киева Батыемъ, когда проѣзжалъ черезъ Киевъ папскій миссіонеръ Плано-Карпини, въ 1246 г., въ этомъ городѣ едва насчитывалось 200 домовъ. Но въ концѣ XIV в. Приднѣпровская Русь снова населяется и прежніе ея жители, временно галицкіе и волынскіе, снова появляются на Днѣпрѣ и на Днѣстрѣ и образуютъ здѣсь десятки и сотни новыхъ городовъ иселеній. Когда вновь заселилась такимъ образомъ Украина, то оказалось, что масса явившагося здѣсь населенія, смѣшившись съ остатками бродившихъ инородцевъ, съ разными торками, берендейами, печенѣгами, половцами и др., образовала собою то Малорусское племя¹⁾.

¹⁾ Таково болѣе другихъ общепринятое мнѣніе о времени происхожденія Малорусского племени. Намъ известно, что оно далеко не всеми признается безспорнымъ. Мы не имѣмъ въ виду излагать здѣсь подробно этотъ споръ. Въ письмахъ къ Погодину Максимовича («Критическая замѣчанія, относящіяся къ исторіи Малороссіи»), помѣщенныхъ въ 1857 г. въ «Русской Бесѣдѣ», и въ отвѣтахъ на нихъ Погодина, можно видѣть, какъ въ началѣ шелъ споръ о переселеніи Малороссіянъ съ Карпатъ на Днѣпръ, въ вѣкъ Татарщины. Максимовичъ отвергаетъ это переселеніе, а Погодинъ признаетъ его. Историческія преданія Карпатской Руси говорятъ, что она пришла въ Карпаты съ береговъ Днѣпра, именно въ X вѣкѣ, вмѣстѣ съ Уграми. По другому преданію известно, что русские переходили въ Карпаты въ XIV в. изъ Подолья, вмѣстѣ съ княземъ своимъ Коріатовичемъ.

Въ тоже время, когда въ Приднѣпровской Руси стали жаловаться на запустѣніе, въ отдаленомъ Суздальскомъ краѣ замѣчается необычная строительная дѣятельность. Такъ Юрій Долгорукій и сынъ его Андрей создаютъ здѣсь одинъ за другимъ новые города. Напр. въ Тверскомъ княжествѣ Юрій строитъ, при впаденіи Большой Нерли въ Волгу, городъ Есентинъ. Въ 1147 г. становится известной Москва. Въ 1152 г. Юрій строитъ нынѣшній городъ владимірской губерніи Юрьевъ въ Поль; въ 1154 году — Дмитровъ; въ 1158 г. Андрей Боголюбскій основываетъ городъ Боголюбовъ. Тверь, по ятотисямъ, становится известной ранѣе XIII в. Повтореніе на отдаленномъ сѣверѣ, въ Суздальскомъ краѣ по преимуществу, названий южныхъ городовъ, какъ напр. Переяславль, названий рѣчекъ, напр. Почайна, Лыбедь, указываетъ на то, что основавши здѣсь города были южные переселенцы. Изъ пришельцевъ сыграли тузыныхъ инородцевъ финского племени образовалось здѣсь Великорусское племя. Но здѣсь были и ранѣе славянскіе переселенцы. Колонизация шла ранѣе отъ Новгорода, изъ Смоленска и изъ земли вѣтичей¹⁾). Главная же масса славянскихъ элементовъ явилась въ этомъ краѣ теперь. При томъ замѣчательно, что какъ скоро Великорусское племя начало свою самостоятельную жизнь, подчинившись окружающей его природѣ, оно занялось прежде всего земледѣліемъ, а не торговлей; быть его преимущественно было сельскій, а не городской, какъ въ Кіевской Руси.

Говоря о составѣ населения въ Сѣверо-восточной Руси, мы не можемъ здѣсь назвать всѣ его отдельные части. Мы говоримъ только въ общихъ чертахъ, хотя знаемъ, что можетъ быть нигдѣ въ Россіи соки разныхъ племенъ не были разнообразнѣе и многочисленнѣе и смѣясь ихъ пестрѣе, чѣмъ

¹⁾ Русская Исторія, К. Бестужева Рюмина. т. I. 149.

въ московской и соседнихъ областяхъ. Какими путями шла сюда русская колонизация, который изъ нихъ древнѣе, объ этомъ многое изъ изслѣдованного относится къ спорнымъ вопросамъ. Несомнѣнно только то, что славянская стихія была въ разныхъ краяхъ Сѣверо-восточной Руси уже при самомъ началѣ Русской исторіи.

Можетъ быть однимъ изъ первыхъ насельниковъ здѣсь были кривичи, вышедши изъ Смоленской земли; за ними явились новгородские выходцы, начавши свои разбойническіе подвиги довольно рано и осѣвши на волжскомъ пути. Не менѣе древній путь въ бассейнъ Клязьмы велъ съ верхняго Приднѣпровья, а по Окѣ и по рекамъ въ нее впадающимъ легко было итти колонизаціи и изъ земли вятичей¹⁾. Тверская область могла всего скорѣе получить населеніе отъ Новгорода, Торжка и Бѣжецка. Тудовляне, получившіе название отъ р. Туда, живущіе въ южной части нынѣшней тверской губерніи, несомнѣнно изъ смоленской области, какъ говорятъ по бѣлорусски. Название финскаго племени Веси до сихъ поръ сохранилось за городомъ Весьегонскомъ, въ тверской губерніи. Самыми позднѣшими переселенцами въ тверскую губернію были короли (въ XVII ст., послѣ Столбовскаго договора).

Г. Бѣляевъ въ статьѣ своей: «Какъ образовалось велико- русское племя?» говоритъ, что сравнительно въ цѣзднее времѧ, на памяти исторіи здѣшняго края, совершалось сюда переселеніе изъ кievской стороны, и что именно нашествіе монголовъ выслало сюда подновленіе славянской крови, способствовавшее окончательному претворенію здѣшнихъ финовъ въ славянъ²⁾. Изъ опустошенаго и на первый разъ обра-

ото¹⁾ Ibid I. 186.

²⁾ См. Извѣстія Антропологическаго отдѣленія Общества любителей естествознанія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, т. I. М. 1865 г., 36 стр.

щенного въ татарское кочевье Приднѣпровья, именно изъ Переяславскихъ и киевскихъ владѣній, тамошніе славяне толпами потянулись на сѣверо-востокъ — въ рязанскія и сузальскія владѣнія; сюда пошли оттуда и князья лишенные владѣній, и бояре, и горожане сожженыхъ городовъ, и селяне, которыхъ нивы были обращены въ пастбища татарскихъ коней. На это движение изъ Приднѣпровья на сѣверо-востокъ мы имѣемъ указанія и въ лѣтописяхъ. Напримѣръ подъ 1304 годомъ читаемъ о переселеніи въ Москву галицкаго боярина колонизатора Родиона Несторовича съ цѣльмъ полкомъ княжать и дѣтей боярскихъ, числомъ въ 700 человѣкъ. Но гораздо сильнѣйшія свидѣтельства мы находимъ въ старыхъ народныхъ преданіяхъ. Всѣ народные пѣсни и былины, самыя древнѣйшія, повѣствующія о древнѣйшихъ приднѣпровскихъ князьяхъ Олегѣ, Владимірѣ, о тамошнихъ народныхъ богатыряхъ и о городахъ Кieвѣ, Черниговѣ, Галичѣ и Волыни, до сего времени сохраняются въ народѣ и поются и разсказываются стариками и старухами изъ крестьянъ и мѣщанъ въ здѣшнемъ краѣ, тогда какъ все сіи приднѣпровскія преданія давно уже утратились въ Приднѣпровье, гдѣ старина въ пѣсняхъ и былинахъ народныхъ не восходитъ старше казачества. Все это ясно показываетъ, что лучшая и наибольшая часть старого приднѣпровскаго славянскаго населенія во время татарскаго владычества, или позднѣе при занятіи Галича и Волыни польскимъ королемъ Казиміромъ, перебралась на сѣверо-востокъ, въ здѣшній край, со всѣми своими мѣстными древними народными преданіями, и слившись съ здѣшнимъ славянскимъ населеніемъ, передала ихъ своимъ потомкамъ, которые и хранять ихъ въ своей памяти, какъ общую народную святыню всей русской земли и всего славянскаго племени на Руси. На тоже передвиженіе приднѣпровскаго славянства на сѣверо-востокъ и преобразованіе его въ великорусскій типъ указываютъ и древніе приднѣпровскіе законы извѣстные подъ именемъ Русской Правды. Законы

сии въ прежнее время общіе всей Русской землѣ, и особенно сильные въ Приднѣпровье, теперь рѣшительно тамъ забыты; тогда какъ въ здѣшнемъ краю они большею частию сохраниются простонародьемъ въ юридическихъ обычаяхъ, которыхъ неуклонно слѣдуетъ народъ, когда дѣло не доходитъ до офиціального суда.

Сверхне-Волжская Русь послѣ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III дробится, такъ и въ старину Киевская, на многія удѣльныя княжества. Таковы княжества: ростовское, переславское, владимѣрское, сузальское, kostромское, московское, ярославское, углицкое, тверское, нижегородское, рязанское, смоленское и др. Изъ нихъ особенно усиливается впослѣдствіи московское. Исторія его есть постепенное превращеніе изъ удѣльного княжества въ Россійское государство. Москва не центръ Сѣверо-восточной Руси, но она этнографическій центръ Великорусскаго племени. Московское княжество въ концѣ XIII ст. и въ продолженіи большой части XIV была едва ли не единственнымъ краемъ на Руси не испытавшимъ опустошительныхъ татарскихъ нашествій. Отъ этого увеличивалось его населеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ доходы московскихъ князей. Близость къ Окѣ расширила торговлю. Московские князья были хороши хозяева, скопидомы, и всѣ держались преимущественно по одной и той же благоразумной политики, и внутренней, и внешней. Когда въ Сѣверо-восточной Руси установился удѣльный порядокъ, онъ не былъ вполнѣ сходенъ съ тѣмъ, какой былъ раньше въ Руси Киевской. Правда въ памятникахъ права съ половины XV в. мы встрѣчаемъ прежнія удѣльныя явленія и знакомыя намъ формы прежнихъ удѣльныхъ княжескихъ отношеній. Въ договорахъ великаго князя съ удѣльными, младшими его родичами, послѣдніе, по прежнему, обязываются держать великаго князя своимъ старшимъ братомъ «въ отца мѣсто», а великий князь обязывается держать младшихъ удѣльныхъ князей въ братствѣ, безъ обиды. По прежнему и въ исторіи Сѣверо-восточ-

ной Руси продолжаются удельные процессы. Но перемѣна замѣтна въ томъ явленіи, что Москва мало по малу собираетъ Русь подъ своею властію и старшій изъ московскихъ князей дѣлается богаче и сильнѣе своихъ предшественниковъ вслѣдствіе увеличенія своихъ вотчинъ. Московское собираніе Руси еще далеко не уничтожило всѣхъ самостоятельныхъ русскихъ міровъ, вольныхъ городовъ и княжествъ, вплоть до вступленія на престоль Ioanna III. Но успѣхи Москвы въ этомъ направленіи были до сихъ таکъ поръ значительны, что не трудно было рѣшить, чѣмъ они окончатся. Особенно это стало ясно при Ioanne III, когда была присоединена и Тверь. Въ это время дѣло собиранія Москвою подъ свою руку Сѣверо-восточной Руси находилось въ болѣе выгодныхъ, чѣмъ прежде, условіяхъ, которыя и сообщаютъ ему ускоренный ходъ и новый характеръ. Теперь сами мѣстныя общества начинаютъ тяготѣть къ Москвѣ. Въ вольныхъ городахъ низшіе классы становятся на сторону Москвы въ борьбѣ съ мѣстной аристократіей. Такое сочувствіе новгородскаго простонародья много мѣшало Ioанну III въ борьбѣ его съ Новгородомъ. Совсѣмъ другое настроеніе встрѣчаемъ мы въ другихъ великихъ княжествахъ Сѣверо-восточной Руси, остававшихся еще независимыми въ началѣ княженія Ioanna III. Здѣсь верхніе слои общества, бояре и служилые люди, а не простой народъ, тяготѣютъ къ Москвѣ: въ Нижнемъ Новгородѣ, Рязани и Твери бояре первые переходятъ на сторону Москвы. Изъ Твери еще за долго до послѣдняго удара, нанесенного ей Москвой, мѣстные бояре и дѣти боярскіе толпами переходятъ на московскую службу. Когда Ioаннъ III осадилъ Тверь, новая толпа тверскихъ бояръ явилась въ московскій лагерь съ предложеніемъ своихъ услугъ. Мѣстный лѣтописецъ называетъ ихъ крамольниками и считаетъ ихъ главными виновниками паденіе Твери. Но онъ не понималъ, что совершилось передъ его глазами.

Наконецъ, любопытное движеніе, выгодное для Москвы,

обнаруживается и въ мелкихъ русскихъ княжествахъ, зависѣвшихъ отъ великаго князя литовскаго. Во второй половинѣ XV вѣка русское общество возстаетъ здѣсь противъ католической пропаганды, начавшей дѣйствовать подъ покровительствомъ польско-литовскаго короля Казимира. Вслѣдъ за русскимъ православнымъ обществомъ идутъ и мелкие русскіе князья; подъ давленiemъ религіозныхъ интересовъ одинъ за другимъ они приходятъ съ своими вотчинами на службу къ московскому государю, добровольно отказываясь отъ самостоятельности, какой пользовались подъ рукой польско-литовскаго короля. Такимъ образомъ разные классы общества, въ вольныхъ городахъ и княжествахъ, русскихъ и литовскихъ, вмѣстѣ съ своими князьями начинаютъ тяготѣть къ Москвѣ. До сихъ поръ земельныя приобрѣтенія Москвы имѣли характеръ захватовъ, или выгодныхъ финансовыхъ сдѣлокъ съ другими князьями. Теперь, при Ioаннѣ III, когда сами мѣстныя общества начинаютъ тяготѣть къ Москвѣ, какъ къ своему религіозно-политическому центру, московское собираніе Руси теряетъ характеръ мелкихъ вотчинныхъ примысловъ и захватовъ и становится движениемъ вполнѣ національно-религіознымъ. Появленіе этого новаго условія въ дѣлѣ московского собиранія Руси сообщаетъ ему ускоренный ходъ.

Необыкновенно быстрое расширеніе московской территории съ половины XV вѣка, повидимому — фактъ географической, вѣнчшій. Однако легко замѣтить, что онъ глубоко измѣняетъ значеніе московскаго великаго князя и положеніе его княжества. Если мы представимъ себѣ границы этого княжества, то замѣтимъ, что въ нихъ заключалась уже цѣлая народность. Въ удѣльные вѣка, путемъ колонизаціи центральной и сѣверной Руси, сложилась новая отрасль русскаго племени, новая народность великорусская. Эта народность была готова къ половинѣ XV вѣка. Но до сихъ поръ она оставалась фактомъ этнографическимъ, а не политическимъ; национальное единство ея не выражалось въ единствѣ государ-

ственномъ; части народности были разбиты на независимыя политическія группы. Теперь, во время Иоанна III, эта народность впервые является подъ одной политической формой. Это измѣняетъ значение московскаго княжества: до сихъ поръ оно было однимъ изъ нѣсколькихъ великихъ княжествъ съ-верной Руси; теперь оно становится въ ряду другихъ единственнымъ национальнымъ, его границы совпадаютъ съ предѣлами великорусской народности, оно становится великорусскимъ государствомъ. Вслѣдствіе этого, во 1-хъ, измѣняется внешняя политика московскихъ князей. До сихъ поръ московское княжество почти со всѣхъ сторонъ было прикрыто отъ внешнихъ враговъ другими русскими княжествами: на съверо-западѣ тверскимъ, на съверо-востокѣ ярославскимъ, на востокѣ, до конца XV вѣка, нижегородскимъ, на югѣ рязанскимъ и цѣлымъ рядомъ мелкихъ черниговскихъ княжествъ, на западѣ смоленскимъ. Теперь же, при Иоаннѣ III, всѣ эти прикрытия исчезаютъ, всѣ эти княжества сливаются съ московскимъ и послѣднее становится глазъ на глазъ съ государствами, которая не принадлежать къ семи русскихъ княжествъ. Благодаря такой перемѣнѣ во внешнемъ положеніи московского княжества измѣняется и политика московскихъ князей. Они усвоиваютъ себѣ новыя задачи, не похожія на тѣ, какія стояли на очереди передъ московскими князьями недавняго прошлаго времени. Теперь завязываются сложныя дипломатическія сношенія съ иноземными государствами: шведскимъ, литовскимъ—на западѣ, съ казанскимъ и крымскимъ на востокѣ и югѣ. Въ удѣльные вѣка подъ вліяніемъ политического раздробленія Руси исчезло въ умахъ понятія о единстве Русской земли. Теперь, когда Великороссія объединяется подъ одной государственной властью, это забытое понятіе о земскомъ единстве возвращается снова. Мысль о Русской землѣ вырабатывается прежде всего въ правительственной средѣ путемъ внешнихъ сношеній и столкновеній, и уже изъ правительственной среды проникаетъ въ

общество. Московское княжество получило значение национального государства; владельцы великорусской земли, правители этого государства, поставили на очередь вопросъ и о политическомъ объединеніи всей Русской земли, и изъ этого вопроса, поставленного необыкновенно ясно и твердо, произошла вѣковая борьба двухъ соседнихъ славянскихъ государствъ, составляющая главное содержаніе всей вѣнчайшей московской политики съ половины XV вѣка.

Еще Карамзинъ придавалъ особенную важность государственному Иоанна III. Онъ ставилъ заслуги его даже выше заслугъ Петра Великаго. Какъ бы то ни было, но нельзя отрицать, что вѣкъ паденія Твери и Новгорода, вѣкъ Иоанна III заключаетъ въ себѣ разрешеніе важнейшихъ задачъ Русской исторіи. Въ это время совершился переворотъ въ области политическихъ идей и стремленій, характеризующій всю послѣдующую исторію Московской Руси. Общественной и государственный строй нашего народа сложился именно въ эту пору и сложился такимъ, какимъ въ главныхъ чертахъ мы видимъ его даже въ настоящее время. Всѣ позднѣйшія и даже самыя великия дѣянія петербургскаго периода нашей исторіи, за исключеніемъ упраздненія крѣпостнаго права, заключались главнѣйше во вѣнчанихъ пріобрѣтеніяхъ и касались нашего внутренняго государственного и общественного строя только съ самой формальной (административной) его стороны; въ сущности же все это дальнѣйшее развитіе нашего внутренняго государственного и гражданскаго строя было только довершеніемъ зданія заложеннаго въ московскомъ періодѣ нашей исторіи.

Въ это время, съ наплывомъ бояръ изъ удѣльныхъ княжествъ въ Москву, развиваются среди бояръ удѣльная, преданія. Потомки бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей, почувствовавъ себя въ сборѣ вокругъ московского кремля, взглянули на себя, какъ на собраніе наследственныхъ привычныхъ властей Русской земли, а на Москву, какъ на сбор-

ный пунктъ, изъ котораго они будуть попрежнему править Русской землей, только не въ одиночку, а вмѣстѣ. Самъ московскій великий князь поддерживалъ въ титулованныхъ боярахъ этотъ взглядъ, часто прямо признавая ихъ удѣльныя преданія. При новомъ своемъ составѣ московская боярская знать присвоила себѣ и новое политическое значеніе, какого прежде никогда не имѣла. Оно было закрѣплено въ половинѣ XVI в. своеобразнымъ порядкомъ служебныхъ отношеній установившимся между самими боярами, именно мѣстничествомъ.

Вотъ что ожидало и тверскихъ бояръ, перешедшихъ на службу въ Москву, въ ближайшемъ будущемъ.

Такого рода соображенія, касающіяся времени паденія Твери, объясняющія важность выраженія великорусского племени въ московской политикѣ, по нашему мнѣнію, болѣе вѣрно опредѣляютъ причины паденія Твери, чѣмъ небольшая замѣтка лѣтописца о крамолѣ тверскихъ бояръ, на долю которыхъ пала и несоразмѣрная отвѣтственность въ критической минуты мѣстной исторіи.

H. Овсянниковъ.

Печатано по распоряж. Тверской Учен. Арх. Ком., 16 марта 1892 г.
Тверь. Типографія Губернскаго Правленія.